

ряда таких совершенных типов русских женщин, что они по справедливости рассматриваются некоторыми критиками как «духовные матери героинь Тургенева».

А. Герцен (1812—1870) также принадлежит к этой эпохе, но мы будем говорить о нем в одной из следующих глав.

Среди второстепенных писателей этой эпохи более чем беглой заметки заслуживает чрезвычайно симпатичная писательница Н. Д. Хвощинская, по мужу Зайончковская (1825—1889). Она писала под мужским псевдонимом «В. Крестовский», и, дабы не смешивать ее с очень плодовитым сочинителем сенсационных романов, автором «Петербургских трущоб» Всеволодом Крестовским, ее обыкновенно именуют в России «В. Крестовский — псевдоним».

Н. Д. Хвощинская начала писать очень рано, в 1847 году, и ее повести дышали такой внутренней прелестью, что она вскоре сделалась любимицей читающей публики. Должно, впрочем, сказать, что первое время ее литературной карьеры не было встречено надлежащей оценкой со стороны литературной критики, которая вплоть до конца 70-х годов оставалась к ней враждебной. Лишь к концу этой карьеры (1878—1880) Михайловский и Арсеньев оценили должным образом эту писательницу, которую, несомненно, можно поставить на ряду с автором «Jane Eyre». Н. Д. Хвощинская, несомненно, не принадлежит к числу тех писателей, которым сразу дается литературный успех; но причина более или менее враждебного отношения русской критики по отношению к ней лежит в том, что писательница, родившаяся в семье бедного рязанского дворянина и проведшая всю жизнь в провинции, внесла в свои произведения первого периода, в которых изображала исключительно провинциальную жизнь и провинциальные типы, известную узость взгляда. Этот недостаток особенно очевиден в тех типах мужчин, к которым писательница стремится привлечь симпатии читателей, хотя типы эти вовсе этого не заслуживают; объясняется это тем, что автор в печальном провинциальном захолустье чувствовал неодолимую потребность в идеализации кого-либо.

За исключением вышеуказанного недостатка, Н. Д. Хвощинская прекрасно изображала провинциальную жизнь, которую знала в совершенстве. Под ее пером провинция являлась в том же пессимистическом свете, в котором ее видел Тургенев в те же годы — последние годы царствования Николая I. Особенно хороши ее изображения печальной и безнадежной судьбы девушек в большинстве семей в ту мрачную эпоху.

В своей собственной семье девушка встречает ханжескую тиранию матери и эгоизм заботящегося лишь о собственном спокойствии отца, а среди своих обожателей она видит лишь ничтожностей, прикрывающих свою внутреннюю пустоту звонкими фразами. Каждая повесть, написанная нашим автором в течение этого периода, заключает в себе драму девушки, лучшие стороны которой беспощадно душатся окружающими ее, или рассказывает еще более тяжелую драму старой девушки, принужденной жить под гнетом тирании, мелких преследований и булавочных уколов со стороны родных.

Когда Россия вступила в лучший период, в начале 60-х годов, повести Н. Д. Хвощинской приняли также более жизнерадостный характер; среди этих повестей особенно выделяется «Большая Медведица» (1870—1871). Во время своего появления повесть пользовалась большим успехом среди нашей молодежи и имела на нее очень глубокое влияние, в лучшем значении этого слова. Героиня, Катя, встречает в лице Верховского человека того слабосильного типа, с которым мы знакомы по «Переписке» Тургенева, но который на этот раз облекся в одежды социального реформатора, которому лишь «обстоятельства» и «несчастья» мешают совершить великие дела. Верховский, которого Катя любит и который, в свою очередь, влюбляется в нее — насколько подобные люди вообще могут влюбляться, — превосходно обрисован. Это один из лучших представителей богатой галереи подобных типов в русской литературе. Должно, впрочем, признать, что в «Большой Медведице» имеется один или два характера, не вполне реальных или не вполне понятых самим автором (как, например, старика Багрянского); но наряду с ними пред нами проходит целый ряд превосходно нарисованных типов; в то же время Катя стоит выше, более жизненна, более полно изображена, чем тургеневская Наташа или даже его Елена. Она получает отвращение ко всем разговорам о геройских подвигах, совершению которых будущим героям мешают «обстоятельства», и берет на себя выполнение задачи несравненно меньшего размера: она делается учительницей в деревенской школе и пытается внести в мрак деревни свет высших идеалов и надежд на лучшее будущее. Появление этой повести как раз в период, когда в России начиналось великое движение молодежи «в народ», дало ей громадную популярность наравне со «Знаменем времени» Д. Л. Мордовцева и романами Шпильгагена («Между молотом и наковальней» и «Один в поле не воин»). Горячий тон повести и утонченные, глубоко человеческие поэтические образы и картины, которыми она полна, возвышают ее внутренние достоинства. В России она была